

12+

Анна Пейчева

ЦАРСКИЕ СЛУГИ: ЛЕГКАЯ ИСТОРИЯ ДИНАСТИИ

Голос
ИМПЕРИИ

Анна Пейчева

**Царские слуги: легкая история
династии. Серия «Голос империи»**

«Издательские решения»

Пейчева А.

Царские слуги: легкая история династии. Серия «Голос империи» /
А. Пейчева — «Издательские решения»,

Слуги видели царей без прикрас — по утрам, в плохом настроении, без пудры и мантии. Лакеи, горничные и парикмахеры были рядом всегда: выполняли секретные поручения хозяев, утешали их в печали, а иногда даже влияли на важные государственные решения. Незаметные спутники могущественных правителей могли поведать о династии Романовых много интересного, скандального и трогательного... Рассказы построены на мемуарах и дневниках XVII–XX веков, дополнены иллюстрациями и биографическими справками.

© Пейчева А.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Михаил Романов и племянница пристава Хлопова	8
Алексей Тишайший и часовой мастер Высоцкий	12
Федор III и постельничий Языков	17
Царевна Софья и наставник Полоцкий	21
Иван V и доктор Блуменрост	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Царские слуги: легкая история династии Серия «Голос империи»

Анна Пейчева

© Анна Пейчева, 2026

ISBN 978-5-0059-6080-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дочери Николая II (слева направо): Татьяна, Мария и Ольга — в компании старшего лейтенанта Гвардейского экипажа, капитана 2-го ранга царской яхты «Штандарт» Николая Родионова. Великие княжны не только дружили с простыми моряками, но и частенько влюблялись в них. Отец-император наблюдал за этими невинными романами с улыбкой: он полностью доверял благородным офицерам (Ливадия, 1913)

От автора

По моему глубокому убеждению, автор исторических книг — даже художественных — не имеет права придумывать персонажей или искажать факты, имевшие место в действительности. Единственная вольность, которую может позволить себе писатель на благо читателю, — это способ подачи исторического материала. Погрузившись в эпоху, автор начинает слышать, как разговаривают его герои, и передает эти диалоги читателю — вместе с подробным описанием бытовых деталей, характерных для того или иного периода. За каждой мелочью стоит большой труд — исследование архивов и дневников, изучение монографий и материалов научных конференций.

Так, обложка для этой книги создана на основе замечательной черно-белой фотографии 1908 года, случайно обнаруженной мной в альбоме Анны Вырубовой, фрейлины императрицы Александры Федоровны. После революции фрейлине удалось вывезти за границу свою коллекцию уникальных фотографий частной жизни царской семьи. Сейчас этот альбом хранится в библиотеке Йельского университета¹.

На снимке запечатлен забавный момент: босоногий цесаревич Алексей пробует матросский суп на яхте «Штандарт». Императрица с улыбкой смотрит на сына. Четырехлетний мальчик очень сосредоточен, он понимает всю важность возложенной на него миссии. Алексей сотни раз наблюдал, как его отец, император Николай II, дегустирует солдатские щи в казармах и на полевых кухнях. Теперь настала очередь наследника. Бравый кок «Штандарта» старается держать поднос с тарелкой пониже, а командир яхты, адмирал Иван Иванович Чагин, заботливо кормит цесаревича с ложки. Необычайно трогательная картина! В последней главе мы еще вернемся к счастливому детству Алексея на «Штандарте».

Или возьмем образ будущего царя Михаила из первого рассказа. Мальчик прибывает в Клин из ссылки больным, голодным и в лохмотьях. Но ведь именно так оно и было!

Борис Годунов, раскидавший семью Романовых по разным темницам, был и сам удивлен жестокостью тюремных приставов — особенно одного из них, Давыда Жеребцова. Царь ругал Жеребцова: «Яиц с молоком даешь не от велика; то ты делал своим воровством и хитростью, по нашему указу велено тебе давать им еству и питье во всем довольно, чего ни похотят». Историк Сергей Уткин сообщает печальные сведения о сестре Михаила — «дочь Ф. Н. Романова Татьяна страдала задержкой роста и рахитом, что еще раз свидетельствует о полуголодном существовании узников». В июле 1602 года пристав отчитывался перед государем: «У князь Борисовы княгини, и у всех тех, которыя с нею живут, сапоги и телогреи поизносилися» (речь о вдове князя Бориса Черкасского — Марфе Никитичне Захарьиной-Юрьевой, родной тете юного Михаила, которая оказалась в ссылке вместе с Романовыми). Позднее, 1 сентября, вдова князя Черкасского «с товарищи» вновь «била челом» государю, «что у них у всех рубашки поизносилися; чтоб... Государь Царь и Великий Князь Борис Федорович всеа Руси, пожаловал их, велел им дата холстов на рубашки»².

Написанию сборника «Царские слуги» предшествовала огромная работа по созданию документальной книги «Несчастные Романовы» — подробной истории династии сквозь призму человеческих судеб и отношений. Некоторые найденные факты показались мне настолько интересными, что захотелось облечь их в легкую художественную форму. Так появилась идея показать каждого правителя из рода Романовых глазами всеведущих дворцовых слуг.

Меня вдохновили мемуары дочери Александра III — великой княгини Ольги Александровны:

¹ Yale University Library Digital Collections. Album 5. Call Number [GEN MSS 313](#).

² Уткин С. А. «Белозерская ссылка бояр Романовых в 1601—1602 годах».

«Не думаю, чтобы они подслушивали наши разговоры... Но о нас они знали гораздо больше, чем мы сами. Когда я была совсем маленькой, несмотря на бдительность Нана, в детские еще до завтрака успевали просочиться новейшие сплетни. Я узнавала о последних выходах моих братьев и о наказаниях, воследовавших за ними, о том, что у сестры насморк, что Папа отправляется принимать парад, а Мама дает званый обед, каких гостей ждут во дворце»³.

Как пишет историк Игорь Зимин, «одной из особенностей взаимоотношений слуг и хозяев было то, что слуги считали своим долгом и правом „принимать участие“ в важных событиях в жизни их хозяев. Когда в 1830 г. Николай I посетил Москву, то к обеденному столу пригласили не только высших сановников, но и „старых слуг царских, доживавших свой век в отставке“. Когда в 1845 г. стало известно, что дочь Николая I великая княжна Ольга Николаевна выходит замуж, то со всех сторон посыпались поздравления, в том числе и от слуг. Спустя десятилетия жизни в Германии, Ольга Николаевна благодарно упомянула, что „в России слуги принимают участие в семейных событиях, как нигде в другой стране, — я была тронута их радостью, они целовали мне руку, а моему жениху плечо“»⁴.

Книга не ограничивается лишь придворной прислугой, тема раскрыта гораздо шире. Герои рассказов — люди разных профессий. Есть среди них часовых дел мастер, доктор, учитель, пастор, архитектор, скрипач, фотограф и целых три поэта. Их судьбы накрепко переплелись с судьбами царей. Монархи зависели от своих подданных не меньше, чем крепостные — от своих хозяев.

Книга состоит из двадцати одной главы — по числу правителей из рода Романовых, в том числе и неофициальных. Рассказы дополнены современными иллюстрациями, редкими фотографиями, а также краткими сведениями о царях и их преданных (а иногда вероломных) помощниках.

³ Йен Воррес «Последняя Великая Княгиня» — по мотивам бесед с великой княгиней Ольгой Александровной Романовой.

⁴ Зимин И. В. «Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение».

Михаил Романов и племянница пристава Хлопова

Михаил Федорович (годы правления: 1613—1645)

Первый государь из рода Романовых правил под девизом «Любовь выше ненависти». Михаил, с детства терпевший гонения властей, умел сострадать людям, решал все проблемы мирным путем и подружился с западными соседями. Оказалось, что гибкость и доброта — лучшие инструменты для главы страны. Михаил вытащил народ из чудовищной Смуты, построил счастье в семейной жизни и основал крепкую монархическую династию, простоявшую три века.

С приставом Хлоповым Михаил познакомился в пятилетнем возрасте, когда отбывал ссылку — сначала в тюрьме для особо опасных государственных преступников в хмуром Белозерске, затем в старом крестьянском доме в селе Клинь Юрьев-Польского уезда. Вероятно, тогда же он познакомился с племянницей пристава, Марией Хлоповой, которую любил без памяти всю свою жизнь и на которой потом мечтал жениться. Увы, со свадьбой не сложилось: суровая мать Михаила сначала отравила девушку, а затем отправила ее в ссылку просто потому, что планировала женить сына на другой.

Машенька Хлопова внимательно огляделась по сторонам. Никого. Дядя Василий пошел домой обедать, а второго пристава, злого дядьку Жеребцова, она только что видела в гостях у сельского старосты. Толстяки сидели на лавке под раскидистой яблоней и пили холодный квас из больших деревянных кружек, утирая пену с усов и шумно отдуваясь, как кони после галопа.

Краем уха Машенька слышала, как Жеребцов затеял со старостой спор про поляков, а значит, посиделки затянутся надолго. Время для свершения задуманного есть.

Девочка забежала за угол старого забора, потянула вправо знакомую занозистую доску — вот и хорошая щель получилась. Взрослый бы тут не пролез, а худенькая девчушка легко пробралась, даже синий сарафанчик за гвозди не зацепился.

Прошмыгнув через двор, испепеленный солнцем, Машенька тихонько поскреблась в покосившуюся дверь, едва державшуюся на одной петле. Дверь тут же открылась, словно Миша стоял и ждал, пока в нее постучат. Из избы вырвались запахи простой крестьянской еды — капустных щей да свежего ржаного хлеба.

Миша робко улыбнулся Машеньке, а она деловито спросила:

— Идём?

Миша нерешительно обернулся назад, в прохладную темноту. Что там делается, было не разглядеть. Бычьи пузыри в окнах света почти не пропускали. Другое дело — дом Машенькиного отца, боярина Ивана Хлопова, украшенный настоящими слюдяными витражами на зависть всему селу.

— Матушка, можно? — спросил Миша у неясной фигуры, хлопочущей у стола.

— Ой, не нравятся мне ваши затеи, — из темноты выступила невысокая крепкая женщина с грубыми морщинами на еще молодом лице. — А вдруг увидят вас? Только-только жизнь на лад пошла... Опять в монастырскую темницу нас всех посадят.

Мишину маму Машенька побаивалась. Марфа Ивановна была жесткой и скрытной. Никогда нельзя было понять, о чем она думает, что там таится за этими маленькими пронизательными глазками.

— Марфа Ивановна, мы как мышки, никто нас не заметит, — взмолилась Машенька. — Никогда не замечали.

— Марфа, и правда, отпусти Мишу, и Танечка пусть с ними идёт, — в сенях показалась тётя Миши, очень милая и добрая Анастасия Никитична, с золотой косой до пояса. — Детям купание на пользу. Посмотри, как они здесь поправились, успокоились, и ножки у них меньше болят... От солнца и воды вся сила.

Машенька радостно закивала. Анастасия Никитична ей очень нравилась. Такая рассудительная, спокойная, а какая мастерица! Вышивка на Мишиной рубашке — ее рук дело. Словно богатый царский наряд смотрится; но, если приглядеться как следует, жемчуга и золото — всё не настоящее, а искусно вышитое простыми цветными нитками.

А ведь приехали Романовы сюда прошлой осенью в нищенских лохмотьях. В Белозерской темнице с ними плохо обращались, хуже, чем с дикими зверями. Злой дядька Жеребцов, чтобы выслужиться перед государем, намеренно морил его врагов голодом, холодом, жаждой. Какие уж тут наряды, даже выжить удалось не всем Мишиным родственникам.

Потом государь немного смягчился и перевел Романовых сюда, в село Клинь Юрьев-Польского уезда. Жеребцов поселил семью в заброшенную крестьянскую избу и выдал холсты, из которых Анастасия Никитична тут же сшила всем чудные обновы. Еды тоже стало больше, и Миша с сестрёнкой Танечкой потихоньку отходили от годичного заключения в страшной тюрьме.

Машенька сначала наблюдала за приезжими через щелочку в заборе, потом, просто из любопытства, окликнула их, и спустя пару месяцев они с Мишей и Танечкой стали лучшими тайными друзьями на свете. Машенька незаметно утаскивала из дома пирожки да яблоки, чтобы угостить приятелей, но и Романовы не оставались в долгу: Танечка учила Машеньку секретам рукоделия, которые узнала у своей тёти; а фантазёр Миша придумывал такие волшебные истории, что Машенька потом ночами не могла уснуть, всё повторяла их про себя. Миша был, конечно, необыкновенным мальчиком, и Машенька очень за него радела.

— Ладно, дети, бегите, — Марфа Ивановна неохотно кивнула, поджав губы, и позвала Танечку. — Но смотрите у меня... Если что — я тебя, Марья, с собой в темницу возьму, запомни!

И так посмотрела на Машеньку, что девочка с ног до головы покрылась мурашками, несмотря на жару.

Но тут из дома вышла Танечка, Машенька тут же позабыла про страшную Марфу Ивановну и ребята со всех ног понеслись купаться. К речке пробирались огородами, чтобы никто не заметил.

Главное — успеть вернуться раньше приставов. Дядя Василий-то простит, а вот полагаться на милость Жеребцова — попросту глупо.

Рисковать нельзя, а то останется Машенька без лучшего друга и жениха Миши Романова. Да, они твердо решили обвенчаться, когда вырастут. Даже если небо упадет на землю, даже если курицы залают, даже если Мишу назначат великим государем, царем и самодержцем всея Руси.

Алексей Тишайший и часовой мастер Высоцкий

Алексей Михайлович Тишайший (годы правления: 1645—1676)

Прежде всего, Алексей Михайлович совсем не был тихим. Он кипел энергией, взрывался из-за ерунды, а потом так же быстро остывал и заваливал обиженного подарками. Любопытный, простодушный, но в то же время и вдумчивый царь — таким был отец Петра Великого. Он любил западную культуру, но еще больше — все русское. Окружал себя талантливыми мастерами и радовался необычным гаджетам.

Так, в 1673 году часовой мастер Оружейной палаты Петр Высоцкий построил у царского трона золотых львов, они рычали, вращали глазами и открывали пасть. Механика, приводящая их в движение, была скрыта в отдельном помещении. Таких хитроумных изобретений у Алексея Михайловича было множество. Однако царь, при всех своих достоинствах, не сумел организовать систему оплаты труда мастеров Оружейной палаты. Жалованье им либо не платили вовсе, либо платили медными монетами, на которые и хлеба-то было не купить. Вот таким неоднозначным «покровителем» технического прогресса оказался второй царь из династии Романовых.

Знающие люди сказали Петрушке, что просто так, с кондачка, к царю лезть нельзя. «У него этих челобитных знаешь сколько? — качали головами знающие люди. — Целый стог на столе. Кинет твою жалобницу к остальным и не взглянет даже. А чрез седмицу и вовсе на

окно переложит. Тогда всё, пиши пропало, никто и никогда потом про твою челобитную не вспомнит».

Как уверяли знающие люди, сперва нужно было заручиться заступлением боярина, близкого к царю, — стольника, который в нужный момент нашептал бы государю на ушко: «Изволь взглянуть, милосердый батюшка, вот на эту грамотку».

Но Петрушка Высоцкий был иностранцем, в Москве оказался пару лет назад, и никого здесь толком не знал. Он и по-русски-то говорил плохо, с польским акцентом, да еще и применял белорусские слова, отчего понять его было весьма затруднительно. Ну, положим, Петрушка и у себя на родине, в Шклове на Днепре, мало с кем дружбу водил, просиживал штаны в полуподвальной мастерской, и никто ему был не нужен, даже и солнечный свет. Возился со своими шестеренками, да так в них закопался, что всю войну пропустил, не заметил, как родной город от Речи Посполитой к русскому царю перешел. Ну а ему, Петрушке, простому часовому мастеру, какое до того дело — как собирал свои механизмы при короле польском Яне Втором Казимире, так и при Алексее Михайловиче продолжил их собирать. Незачем глупому посадскому люду совать любопытный нос в замыслы великих государей.

И черт его дернул пойти на рынок в тот роковой день две осени назад. Бродил-бродил по рыбным рядам, да и выбрел на площадь. А там — московский посланник в нарядной шапке вещает, сулит золотые горы и всемерную царскую милость искусным умельцам, которые согласятся в первопрестольную ехать, новый государев дворец в селе Коломенском строить. Сладкоречивый прохиндей, помнится, много чего сказывал про доброту царя Алексея Михайловича, как государь чуть не каждый день все перстни с рук раздаривает, а иной раз и шапку пожалует, с соболем, вот как эту, — тут посланник сдергивал с себя бесценный убор и крутил его перед ахающей и охающей толпой. Ну тут Петрушка не удержался, сорвался навстречу чудесам. Кто же знал, что вот так все обернется.

К кому же из царских стольников на поклон пойти? Знающие люди советовали Богдана Матвеевича Хитрово, главного оружничего, хозяина всей Оружейной палаты. Поговаривали, что лучше боярина Хитрово никто шептать не умеет. Наверное, не врал, поскольку государь Михаил Федорович пожаловал боярину саблю с золотыми буквами на вороненом клинке, а государь Алексей Михайлович одарил оружничего кафтаном атласным золотым на соболях, кубком золоченым и денежной придачей в восемьдесят рублей. Боярин Хитрово и на польском говорил как на родном, ему можно было бы от души поплакаться, составить жалобницу по всей форме.

Вот только жаловаться Петрушка Высоцкий собирался именно на боярина Хитрово. Так что идти к нему плакаться тоже было никак нельзя.

Что ж, делать нечего. Придется пытаться счастье и бить челом царю без всяких заступников.

А вот и царская карета, в немецких землях изготовленная, мягкая, с рессорами, не то, что русские колымаги. А за ней еще с десяток сверкающих экипажей. Кавалькада влетела во двор Коломенской усадьбы, запыхала, зашумела, зафыркала. Тут же из резных дверей высыпали встречающие, подбежали к экипажам, стали доставать государя из немецкой кареты под белы ручки.

Петрушка понял, что пора. Он споро протер руки ветошью — неже будет заляпать челобитную маслом, которым он смазывал башенные часы над входом в усадьбу, пусть даже это масло самое отборное, оливковое, особо привезенное для царя купцами-фрязинами из Рима. Затем, ловко, как белка, соскочил с лестницы и бросился в ноги государю:

— Не вели казнить!

— Фу ты, господи! — Алексей Михайлович отпрянул, мелко крестясь. — Страдник, худой человечиска, напугал-то как!

Петрушка почувствовал, как в него уперлись пики стрельцов, охранявших государя. Копья разодрали и без того дрянную одежду и больно, до крови, проткнули кожу.

— Великий государь, — бормотал Петрушка со своим ужасным польским акцентом, — я холоп твой верный, Оружейной палаты иноземец часовой мастер Петрушка Высоцкий, смилуйся, батюшка государь, позволь челом тебе бить смиренно!

— Ах, помню-помню, — успокоился царь и велел стрельцам: — Оставьте его, он мне львов делал у трона, механических. Подходят ко мне посланники иноземные, а львы у трона пасти разевают, как живые! Головами мотают, глазами сверкают, потеха! Посланники с испугу заикаются, — государь захихикал радостно, как ребенок. — И часы вот тоже он мне соорудил... — Тут царь обратился к кому-то из своей пышной свиты: — Богдан Матвеевич, что же это у тебя, боярин, за непорядки в Оружейной палатке? Мастера царя пугают, с неба валяются, как ангелы сатанины али яблоки спелые.

— Прости, батюшка, Христа ради! — недовольно загудел знакомый голос. Петрушка не осмелился поднять голову из пыли, но и так было понятно, что его начальник страшно взбешен. — Разберемся с ненадобным шпынем, злодеем пронырливым, позволь вот я его заберу отсель...

— Погоди, боярин, — вздохнул царь и легонько тронул красным сафьяновым сапогом Петрушку за плечо. — Ну, что тебе, человечиска, говори скорей! Думаешь, у царя и забот больше нет, чтоб стоять тут целый день на солнцепеке, на тебя, грязнулю, любоваться?

— Позволь, великий государь, челом бить смиренно, — повторил Петрушка, несколько осмелев. Уперся локтями в пыль и, стоя на четвереньках, принялся читать по заранее заготовленной бумажке, написанной по-русски, но латинскими буквами: — «В прошлом, государь, в семь тысяч сто восемьдесят первом году по твоему, Великого государя, указу и с приказу Большого дворца делал я, холоп твой, в селе Коломенском львы и часы на башню, а твоего Великого государя жалованья давано мне в то число поденного корма по гривне на день, а годового денежного и хлебного жалованья не дано ничего, и оттого я, холоп твой, оскудел и одоужал великие долги...» — Петрушка чихнул от пыли и быстро продолжил: — «Вели, государь, мне для моей скудости и великих моих долгов на нынешний на семь тысяч сто восемьдесят второй год своего государева годового денежного и хлебного жалованья и с поденным кормом весь сполна выдать».

Петрушка весь сжался, что-то скажет государь? А если осерчает?

— Что ж, сегодня я в благодущии пребываю, — сказал царь добрым голосом, и Петрушка поднял голову, — а посему приказываю: за твою многую работу выдать сполна. Распорядись, Богдан Матвеевич.

— Будет сделано, государь, — отозвался боярин, обжигая мастера яростным взглядом.

И тут Петрушка рискнул:

— Не вели казнить, великий государь!

— Ну что еще тебе, страдник? — Алексей Михайлович раздраженно почесал в бороде. — Сказано уже, сполна получишь за свою работу. Перстень еще хочешь царский на память? Ну ладно, на вот тебе, у меня все равно пальцы от жары отекли, — и царь величавым жестом бросил драгоценное кольцо к Петрушке в пыль.

— Смилуйся, батюшка государь, вся наша палата Оружейная тебе челами бьют, — заторопился Петрушка, захлебываясь от волнения, забывая русские слова. — Мастера все днем, ночью беспрестанно трудзытца, все платишком обносились, оборвались, нечем прокормиться, помираем смерцьа голодова... Нет сил больше терпеть...

— Что? — возмутился царь. — Что тут этот холоп несет, Богдан Матвеевич? Мастерам твоим плохо, что ли?

— Никак нет, государь, не слушай этого врага Божия, богоненавистца, хриstopродавца проклятого, — загудел боярин, незаметно пиная Петрушку под худые ребра. — Оружейная

палата наша суть гордость всей земли русской, собрали мы мастеров со всех концов нашей необъятной родины, громадной благодаря твоим неустанным стараниям, батюшка! Мастера у нас сытые, судьбой своей довольные, вот какой богатый дворец на радостях тебе отстроили, самодержцу нашему. На двести семьдесят комнат, и каждая изрядно украшена, и инроги тут на потолках, и кометы блуждающие, и резьба повсюду всем на удивление, иноземным королям на зависть...

Нашептывая все это царю на ушко, боярин подхватил Алексея Михайловича под локоток и увлек к дверям усадьбы. Процессия потянулась за ними, и вскоре Петрушка остался во дворе совсем один, не считая вечных стражников, кидавших на него презрительные взгляды.

Мастер подобрал царский перстень, встал и отряхнулся. Ежели продать перстень, денег хватит, чтобы добраться до родного Шклова и снять опять ту славную мастерскую в подвальчике.

В Москве Петрушка не останется. Тут шестеренки плохо работают. Механизм государственный так проржавел, что уже и масло не поможет. Даже ежели оно оливковое, особо привезенное купцами-фрязинами из Рима.

Федор III и постельничий Языков

Федор III Алексеевич (годы правления: 1676—1682)

Фёдор царствовал всего 6 лет — но сколько же щегольства было в его правлении! Роскошные кареты, немыслимо дорогие скакуны, красивая жена в дерзких нарядах от европейских дизайнеров, шикарные дома. Никакой больше скромности — все должно быть не хуже, чем за границей! При этом сам Федор был образованным, энергичным, но немного стеснительным человеком. А история его первой любви заслуживает отдельного рассказа. Во всех приключениях царю Федору помогал его ближайший друг и советник — постельничий Иван Максимович Языков.

Ивану Языкову предстояла невыполнимая миссия. Уж лучше бы ему поручили найти иголку в царских амбарах, заваленных сеном до самой крыши! Это и то было бы проще, чем отыскать таинственную незнакомку, про которую только и было известно, что она живет в Москве... Предположительно. А может, и не в Москве. Уверенности даже в этом нет.

Но, если честно, вся эта история Ивану скорее нравилась. Всё это было очень похоже на современные рыцарские романы, которые он читал запоем — и собрал, кстати говоря, весьма неплохую библиотечку. Яркие цветные книжки на разных языках, с красивыми картинками, ему присылали со всей Европы знакомые дядки Посольского приказа. Иван прочитал уже столько романтических историй, что мог бы и сам, наверное, написать нечто подобное. Тем более жизнь сама дарила ему увлекательный сюжет.

А поручение у Ивана было вот какое. В Вербное воскресенье, еще пару недель назад, царь Фёдор Алексеевич торжественно шествовал во главе крестного хода. И в толпе, между многим смотрящим народом, заметил голубоглазую боярышню. Незаметно указал на нее своему ближайшему помощнику — постельничему Ивану Языкову — и процессия двинулась дальше. «Лицом — ангел небесный, — смущенно вспоминал потом восемнадцатилетний Фёдор, ероша волосы, слежавшиеся под царской шапкой. — А ведь она была в простом венке из подснежников, с косой до пояса, без всякого платка — значит, не замужем! — радовался он. — Вань, а ты видел ее косу? Чистое золото!...» И, батенька, сразу понял опытный тридцатилетний Иван, а государь-то наш влюбился!

Да вот только в кого влюбился? В призрак, в тень, в фантазию! Как найти-то теперь этого голубоглазого ангела в двухсоттысячной столице? А если она просто на праздники приехала погостить к родным?

Но рыцари — они на то и рыцари, чтобы делать невозможное и до последней капли крови служить своему королю.

— Helfen — Wehren — Heilen, — пробормотал Иван девиз Тевтонского ордена, о котором столько читал в своих любимых романах, и прибавил от себя по-русски: — «Помогать — Защищать — Исцелять» ... — Потом прищипорил белого коня: — Вперёд, мой верный Тинтагель! Добудем нашему Тристану его милую Изольду!

Тинтагель ловко скользил по утренним московским улочкам, суетливым, шумным и запруженным, а Иван раздумывал над своими шансами на успех. В глубине души он все-таки верил, что всё получится. Дело в том, что избранница царя была одета на шляхетский манер: меховая пелеринка, пышная юбка со складками. Значит, круг поисков сужался до уроженцев Речи Посполитой. За две недели Иван объехал десятки московских поляков, пересмотрел сотни голубоглазых панночек с золотыми косами, — но ни одна из них пока не была похожа на ту самую, единственную.

Пора было расширить зону поисков до ближайших деревень и подмосковных городов, где тоже проживало немало поляков. А для этого нужно было заскочить к окольному Семёну Ивановичу, ведавшему устройством всего необходимого для царских посланников. Семён Иванович уже не раз снаряжал Ивана в поход по государевым делам, и походов этих за три года правления Фёдора свершилось великое множество. Юный царь оказался на удивление активным и во всём хотел докопаться до сути, потому и отправлял повсюду Ивана — это было то же самое, что отправить куда-нибудь свои глаза и уши. Ивану он доверял, а старым хитрым боярам — не очень. Они на молодого государя затаили обиду после того, как он заставил их сбрить бороды и собираться в Думе каждый день, а не когда захочется. Бояре на этих заседаниях стыдливо прикрывали руками голые подбородки и краснели от злости, когда Фёдор приступал к излюбленному занятию — самолично зачитывал им сводку свежих европейских событий, составленную по иностранным газетам. Да, за границей уже давно издавались газеты! «Вот бы и у нас такую выпустить, с нашими русскими новостями, — вздыхал Фёдор каждый раз, — да только кто ее будет читать? Все вокруг неграмотные... Надо с этим что-то делать».

Дом Семёна Ивановича был похож на сказочный замок, только из дерева. Среди обычной непритязательной московской застройки он выделялся, как фламинго среди уток. В этом доме было всё: и башенки, и мансардные окошки, и витые лесенки. Иван не упускал случая заскочить сюда лишний раз, и теперь тоже надеялся, что застанет Семёна Ивановича дома. Повезло — окольничий в домашней рубаше пил чай из самовара и ел на завтрак тушеную капусту с колбасками.

— Друзе! — широко улыбнулся Семён Иванович и франтоватым жестом подкрутил свои седые усищи — предмет давней зависти Языкова. — Ну садись, отведай бигоса.

— Не откажусь, — Иван успел проголодаться. Шутка ли — пол-Москвы уже с утра отмахал! — Ох, острятина! — выдохнул он, распробовав блюдо. В тушеной капусте обнаружились специи в большом количестве — перец, можжевельник, мускатный орех. — Но вкусно — хоть на пиру короля Артура подавай! А колбаса у тебя, как всегда, образцовая. И в Немецкой слободе такую не сыщешь!

— Правильно, не сыщешь, по семейному рецепту делается... За чем сегодня пожаловал? В новую поездку собрался? — спросил Семён Иванович, с аппетитом принимаясь за пончики с повидлом. — Куда на этот раз? Еще одна тайная инспекция боевого духа наших солдат на войне с турками? Вот сам бы поехал, честное слово! На Чёрном море-то сейчас рай...

— Ага, рай — если не считать кровопролитных сражений с турками, — отметил Иван, пробуя пончик. — Что за повидло?

— Из дикой розы. Семейный рецепт. Так куда тогда? Проследить, как перепись населения в сибирских деревнях идет? Дам тебе с собой тулуп и сани, снег там до июня будет лежать... Или в Рим опять собрался за новыми нотами? Возьми в подарок монахам янтарные четки, а то над нашим вином они в прошлый раз потешались... Слышал, царь в восторге от их песнопений?

— А патриарх зол, как чёрт! — кивнул Иван, уминая уже, кажется, четвертый бесподобный пончик. — Кричит, нет ничего лучше нашего православного одногосыя, освященного веками. А царь ему: «А мне нравится новая музыка, это что, преступление?» В общем, летом снова за нотами поеду.

— Люблю нашего Фёдора, — Семён Иванович мечтательно подкрутил усищи. — Прямо свежий ветер ворвался в Кремль! Так куда тебя собирать, друже?

— Пока недалече, по окружным городам и сёлам. Ищу я панночку...

— Какую? — Любопытный нос Семёна высунулся из чайной чашки.

Нельзя было налево и направо болтать, что царь влюбился, поэтому Иван степенно сообщил:

— Царевна Софья подбирает себе горничную. — Проверить, так ли это, было никак нельзя, поскольку сестры государя жили крайне замкнуто, ни с кем не общались. Царский терем, по сути, мало чем отличался от монастыря. Поэтому Иван свободно продолжил вранье: — Царевна дала мне задание. Нужна девица из хорошей семьи, причём именно полячка, поскольку царевна желает в польском языке упражняться. Может, знаешь кого? — спросил Иван на всякий случай. — Одарим достойно, и тебя, и девицу, и родителей ее. Не сомневайся, дело верное.

Семён Иванович прищурился и намотал ус на палец.

— Есть у меня на примете одна девица, — наконец сказал он. — Племянница моя Агафья, дочь моей сестры. Она сейчас здесь, в северной башне. Дела у шурина пока не ладятся, ну я и взял всё семейство к себе. Одному-то скучно в таком огромном доме жить.

Иван вздохнул:

— Я бы рад, Семён Иваныч, но мы именно полячку ищем.

— А я-то кто, по-твоему? — усмехнулся хозяин.

Иван посмотрел на бигос... На пончики с розовым повидлом... На польские обои на стенах... И его наконец осенило. Он с размаху хлопнул себя по лбу:

— Вот лапоть! Забыл! Ты ж у нас Заборовский! А я-то всё привык — «Семён Иванович», да «Семён Иванович»...

— Из старинного рода Заборовских мы, — похвастался окольный. — У нас и выписка из «Орбиса Полонуса» имеется, гербовника польского. А отец Агафьи из славного рода Грушецких. Ее настоящее имя — Агата. Агафья — на русский манер.

Пока прислуга бегала за племянницей, Семён Иванович нахваливал Агафью:

— По-русски читает и пишет, по-польски бегло говорит, латинские книги наизусть знает, французский язык понимает! А ты бы послушал, как она на клавесине бренчит! Светлая царевна Софья будет довольна. С нашей Агафьей ей будет о чём поговорить, не то, что со всеми этими мамками да няньками...

Распахнулись двери — и вошла она.

Да-да, та самая голубоглазая боярышня, которую они с царём видели в толпе на Вербное воскресенье. И вблизи она была еще красивее. Взгляд у Агафьи был прямой и смелый. Девушка держалась приветливо, спокойно — и с врожденным царским достоинством.

Это была победа.

Это был тот самый святой Грааль.

Иван наклонился к старому другу и зашептал:

— Слушай, Семён Иванович, про царевну Софью я всё наплёл. Тут вот какое дело...

Спустя несколько часов двое всадников в белых плащах с капюшонами, скрывавшими их лица, остановились на пыльной дороге возле причудливого дома Семёна Ивановича. Из верхнего окна северной башни на мгновение выглянула златовласая принцесса, махнула рукой всадникам и тут же снова скрылась за бархатной шторой.

— Это она, — восхищенно воскликнул первый всадник. — Моя принцесса в башне! Как в той книге, Иван, помнишь?

Иван кивнул. Они с царём понимали друг друга с полуслова. Ведь Фёдор тоже обожал красивые рыцарские романы.

Царевна Софья и наставник Полоцкий

Царевна Софья Алексеевна (регент при младших братьях Иване и Петре: 1682—1689)

Софья Алексеевна — поистине выдающаяся особа, успешно руководившая большим государством целых семь лет. В те времена царевны почти ничем не отличались от монахинь. Никаких перспектив — ни в личной жизни, ни в общественной. Вокруг царских дочерей создавалась атмосфера таинственности и святости. Софья — единственная из кремлевских девочек — получила наилучшее образование, доступное в ту эпоху. Ее наставником был талантливый поэт и богослов Симеон Полоцкий, которого называют представителем европейского барокко. Учитель занимался науками с сыновьями Алексея Михайловича, но взял в класс и 10-летнюю царевну, оценив ее способности.

Симеон был почти уверен, что царь согласится на его предложение, но все же... Все же Алексей Михайлович был непредсказуем. Как-то раз государь вспылил из-за мухи, угодившей в его чернильницу и испортившей письмо боярину Матвееву, в котором царь просил главу Посольского приказа достать ему датский телескоп. Алексей Михайлович накричал и на муху, и на изляпанную бумагу, и на старца Симеона, скромно стоявшего в сторонке; бросил чернильницей в витражное окно, едва не разбив бесценные цветные стекла, туда же швырнул перо с мухой на кончике. Потом государь, как всегда, многословно перед всеми извинялся — и перед Симеоном, и перед «божьим созданием» — пострадавшей мухой. К вечеру в знак примире-

ния прислал монаху с царского стола леденцов и конфетов два блюда по полуфунту, да ягод винных и фиников по фунту на блюде. Симеон в ответ преподнес Алексею Михайловичу очаровательные стихи «От избытка сердца уста глаголят», оформленные в форме сердца и посвященные рождению царевича Фёдора. Происшествие с мухой было забыто навсегда.

Но после сегодняшней беседы Симеон сам мог оказаться на месте несчастной мухи. Он хотел просить о небывалом, невозможном, не виданном на Руси — и Алексей Михайлович, несмотря на всю широту своих взглядов, мог взорваться.

В царских палатах было темно и тихо. Мелькали озабоченные тени слуг, по углам негромко переговаривались доверенные бояре, на Симеона внимания никто не обращал — все знали, что вход к царю ему позволен в любое время.

Монах нерешительно постучался в приоткрытую невысокую дверь, покрытую чудной резьбой с заморскими единорогами, и услышал слабый голос: «Ну что там опять? И покоя-то мне нет ни ночью, ни днём...»

— Ваше величество, — робко проговорил Симеон, заглядывая в опочивальню, — я новые вирши принёс... Но вижу, нездоровится вам...

— Заходи, почтенный старец, — вяло обрадовался Алексей Михайлович. — Виршами меня излечишь.

Государь уютно устроился на высокой, богато изукрашенной кровати с балдахином. Кровать была короткой — доктора рекомендовали спать полусидя, чтобы во время сна кровь к голове не прилиwała. Белели в полумраке пышные подушки, подрагивали огоньки свечей в красном углу, заставленном иконами.

Возле кровати деловито раскладывал инструменты царский лейб-медик, англичанин Сэмюэль Коллинз. Монах отвесил эскулапу уважительный полупоклон и обратился к царю-батюшке на западный манер:

Андрей не спал вторую ночь. Сорок с лишним часов на ногах. А точнее — сорок пять часов и тридцать две минуты. Нартов во всем уважал точность, даже в таких пустяках. В этом они были похожи с Петром Алексеевичем — их объединяла страсть к цифрам. И любовь к токарному ремеслу.

— Ваше величество, дозвоьте зачитать новейшее сочинение — оду царевне Софии.

— Позволяю, позволяю, сказал же, — добродушно ответил Алексей Михайлович и тут же повернул бледное лицо к врачу: — Ну скорее, Сэм, сейчас голова моя бедная лопнет!

— Да, сир, — кивнул Коллинз и сделал аккуратный надрез на сгибе локтя государя.

Царская кровь — не голубая, алая, как московский закат, — хлынула в золотой сосуд, умело подставленный Коллинзом.

Алексей Михайлович утомленно прикрыл глаза другой рукой и потребовал:

— Читай, старец!

Симеон встал в позу декламатора — как он когда-то учил своих воспитанников в Полоцкой братской школе, — и размеренным голосом начал:

— О благороднейшая царевна София, // Ищещи премудрости выну небесные...

Монах читал свои стихи, а сам краем глаза следил за государем.

Кровопускание и эликсир поэзии пошли царю на пользу. Пухлое лицо Алексея Михайловича разгладилось, в темных зрачках вновь разгорался интерес к жизни. За этот вечно любопытный огонек в глазах Симеон бесконечно уважал русского государя. Монах был искренен, сравнивая в хвалебных одах царя с солнцем.

Но сегодняшнее сочинение в честь царевны Софии преследовало другую цель. Симеон дошел до самых главных строк:

— Увидевши же, яко и книга писася новая, // Яже «Венец веры» реченная, // Возжелала ту еси сама созерцати // И еще в черни бывшу прилежно читати, // И, познавши полезну в духовности быти, // Велела еси чисто оную устроити.

Алексей Михайлович вскинулся с подушек, чуть не опрокинув золотой сосуд:

— Погоди, старец! Софья читала твою новую рукопись «Венец веры»?

— Истинно так, ваше величество, — монах торжественно наклонил голову.

— Где же она ее взяла? — с недоумением спросил царь.

— У своего брата, царевича Алексея, — степенно отвечивал Симеон. — Я дал ему задание заучить из «Венца веры» пятнадцать стихов.

— И что же? — не мог поверить государь. — Девчонка смогла пробраться через эту книгу?

— Истинно так, ваше величество, — Симеон собрался с духом и перешел к делу. — Собственно, именно по этому поводу я и хотел вас просить. Дозвольте царевне учиться вместе с наследником.

— Кому позволить? Софье? — Царь изрядно растерялся. — Так она же девчонка. Ей бы в тереме сидеть да с сестрами церковные ризы расшивать, а не книги читать.

— Ваше величество, я вижу в царевне Софье большие дарования, — твердо сказал Симеон. — Она перечитала всю мою библиотеку, самовольно учит греческий, тайком выполняет все задания, которые я даю наследнику. Когда мы занимаемся с царевичем Алексеем, царевна тут как тут, прячется за расшитой завесой, думает, я ее не вижу... Ваше величество, дозвольте взять царевну на обучение. Да и царевичу Алексею сестра на занятиях поможет — вместе отрокам учиться легче.

— Но ей ведь всего десять лет, — государь все никак не мог прийти в себя. — Неужто уже и греческий осваивает?

— Истинно так, ваше величество.

— А зачем? Зачем ей вся эта наука? — Алексей Михайлович пожал пухлыми плечами. — Будущее ее нам известно. Замуж ее не выдам, мне соперники на престол не нужны. И что же? С няньками да бабками в тереме она Гомера будет обсуждать?

— Мудрая советчица никакому царю еще не помешала, — возразил Симеон со всей почтительностью. — А вашу дочь не зря зовут Софией — «мудрой».

— Но чтобы царевна училась наравне с царевичами — такого никогда не было... — сомневался Алексей Михайлович, подставляя могучую руку доктору для перевязки.

— Не было, ваше величество, — согласился Симеон. — И потому вас запомнят как царя, который делает невозможное. А я уж сложу об этом красивую оду, не беспокойтесь. Превознесу вас выше императора Константина Великого.

— Выше самого Константина? Хм... — Царь явно заинтересовался. — Коллинз, а ты что думаешь?

— В Англии юные леди получают наилучшее образование, которое могут оплатить их родители, — отозвался врач, собирая чемоданчик. — Дочери аристократов читают в оригинале Платона, на досуге увлекаются новомодным Шекспиром.

Алексей Михайлович задумчиво погладил бороду и со вздохом откинулся на подушки:

— Ладно, старец, позволяю взять Софью на занятия. Посмотрим, что из этого всего выйдет.

Иван V и доктор Блументрост

Иван V Алексеевич (годы правления: 1682—1696)

Иван 14 лет правил совместно с Петром Великим. Ивана официально называли «старшим царем», Петра же именовали «младшим». Все документы они подписывали вместе, на торжественных церемониях тоже были вдвоем. Их даже короновали на двойном троне. Однако Иван с рождения страдал тяжелыми болезнями, поэтому не мог быть полноценным государем. Он находился под постоянным наблюдением придворных врачей, в том числе доктора Блументроста, и все равно едва мог ходить и говорить. Тем не менее, Ивану удалось обзавестись женой — Прасковьей Салтыковой, а впоследствии и дочерьми, одна из которых стала императрицей Анной Иоанновной.

Разговор предстоял тяжелый.

Доктор Блументрост в последний момент спохватился и водрузил на лысину растрепанный парик, более всего похожий на лохматую болонку. Парик был жарким и неудобным, но дарил некое ощущение официальности. Вроде как сам доктор тут и не при чем, он всего лишь исполняет роль мойры, древнегреческой богини судьбы, безжалостной Атропос, перерезающей нить жизни. Доктор тягостно вздохнул. Ему было жаль царицу Прасковью Федоровну. Бедная глупенькая девочка.

Собравшись с мыслями, доктор поплелся на женскую половину царского терема. За расписными дверями, как всегда, творилось безумие.

Истошно орали попугаи в клетках у витражных окон. Тонко щебетали канарейки. Визжали обезьяны, подаренные царю заморскими посланниками. Но громче всех голосили богомольцы — любимчики государыни, заполонившие десятки комнат Кремля. Нищие и юродивые заунывным речитативом читали священные песнопения, стараясь перекрыть друг друга.

В нос доктору ударил крепкий запах немытого тела, церковных благовоний, тропических животных и еще чего-то непередаваемо гадкого, что благородный саксонский нос Блументроста был не в силах распознать — даже после двадцати двух лет жизни в Москве.

К доктору навстречу бросились многочисленные мамки и няньки, окружили его пестрой стайкой и повели к царице. Процессия продвигалась медленно — мешали шустрые богомольцы, так и норовившие выпросить милостыню у богатого вельможи, а также немыслимое количество лишней мебели, хаотично расставленной в самых неожиданных местах. Полутемные, пыльные палаты все были занавешены вышитыми тряпками и заставлены ненужными безделушками. Блументрост закашлялся.

— Духота у вас, как в пещере, — раздраженно сказал он ближайшей боярыне. — Откройте окна, дамы! Июнь на дворе. Сотню раз вам говорил, что надо проветривать помещения. Майн Готт, вы себя уморите в один непрекрасный день!

Боярыня испуганно перекрестилась и приказала кому-то открыть задвижки на волоковых оконцах — небольших прорезях в стене, сквозь которые дурные запахи потихоньку вытягивались на улицу. Стало чуть полегче, хотя для полного очищения воздуха следовало убрать стену целиком — вместе с попугаями и нищими.

Прасковью Федоровну доктор застал за всегдашним занятием. Царица неторопливо вышивала серебром по бархату и слушала бормотание сказительницы — мрачной старухи, одетой во все черное. Сама Прасковья Федоровна была наряжена в роскошный золотой шушун — тяжелый расклешенный сарафан с откидными рукавами. На соболиный воротник ниспадали толстые темные косы. «Мех — в такую жару, — ужаснулся доктор. — Надо с этим разобраться, перегрев для нее опасен... Но теперь это уже неважно».

Сказочница при виде гостя примолкла, устремив подозрительный взор на его всклокоченный парик. Молодая царица подняла на доктора светлые и круглые, как у рыбки, глаза и отложила вышивание в сторону. На полном лице расцвела приветливая улыбка. Фарфоровая кожа отливала жемчугом. Прасковья Федоровна была миловидной, добродушной молодой женщиной, но этим ее достоинства и ограничивались.

— Ваше величество, — доктор вежливо поклонился, — позвольте выразить вам свое восхищение — вы прекрасны, как богиня утренней зари.

Прасковья Федоровна оживилась и кокетливо откинула косу за спину:

— С чем пожаловали, Лаврентий Алферович? Снова лечить меня будете?

Блументрост откашлялся.

— Наши процедуры, Прасковья Федоровна, подошли к концу.

— Так значит, я здорова? — обрадовалась царица. — Значит, теперь я смогу подарить государю Иоанну Алексеевичу наследника долгожданного?

Заохали мамки с няньками, возрадовались изо всех сил, закружились по комнате яркими вихрями, сметая пышными сарафанами все на своем пути. Даже мрачная сказочница просветлела, давай бить благодарственные поклоны иконам в красном углу. Всеобщее ликование, как пожар, охватывало одну комнату за другой, терем закипал весельем, как большой самовар.

— Пойдите, ваше величество! — крикнул Блументрост, пересиливая несусветный гвалт. — Дело не в этом. А ну тихо все! — рыкнул он на ближайших плясунов.

— Что, что такое? — растерялась царица, поднимаясь со скамьи и делая знак всем замолчать.

— Пусть сперва все выйдут, — потребовал доктор. — Не их это ума дело.

Мамки с няньками торопливо зашелестели к выходу. Рядом с Прасковьей осталась только черная сказочница. Блументрост шикнул на нее, отгоняя к окну, и подошел к царице поближе:

— Сегодня меня позвала государыня Софья Алексеевна...

Прасковья от одних этих слов сделалась серой, как осеннее небо.

— Она сказала, что дольше ждать не может, — с трудом продолжил Блументрост. — Пятый год пошел, а наследника все нет. Мне, царскому лекарю, пришлось признать свое бессилие. Я не смог добиться с вами никакого результата. Все назначенные мной процедуры, все выписанные мной лекарства оказались бесполезны. Я не смог вылечить вас от бесплодия. Увы. В разговоре с Софьей Алексеевной я был вынужден подтвердить, что ничем не могу помочь вашему величеству.

— Но... Как же теперь? — затравленно спросила царица, хлопая длинными ресницами. — Что со мной будет?

Блументрост с жалостью посмотрел на Прасковью. Ему показалось, что она мгновенно постарела на двадцать лет.

— Впереди монастырь. Я решил сам вам об этом сказать, чтобы вы успели собраться. И еще кое-что. — Семидесятилетний доктор снял парик и устало вытер лысину от пота. — Простите меня, Прасковья Федоровна. Я всю жизнь занимаюсь врачеванием, но я так и не понял, почему с вами ничего не получилось. Мы сделали всё. Зверобой привозили из Сибири, солодовый корень из Воронежа, черемицу собирали в Коломне, чечуйную траву в Казани, можжевельные ягоды в Костроме. Испытали лечение ртутью и нефтью, а ведь эти новинки дали превосходные результаты с пациентами из стрелецкого полка... Я консультировался с коллегами из немецких университетов, они также в недоумении... Не понимаю. Ваш случай останется для меня навсегда медицинской загадкой. Простите меня, если сможете, Прасковья Федоровна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.